

ца́хспр Осíл!» (Там же. С. 208), а также вульгаризмы и нецензурная лексика.

В целях имитации «графоманского» (и вообще своего игрового, основанного на «раешно-дурацком» стихосложении — М. Эпштейн) стиха П. использует эффекты: косноязычия («Когда бы вы меня любили / Я сам бы был бы вам в ответ / К вам был бы мил» — Там же. С. 47), «топтания на пустом месте» («Давайте думать как бывает / О том, что так легко не быть / <...> Так как же этому не быть / Когда оно так и бывает» — Там же. С. 228), «звезженной пластинки», а также употребление слов в старинном (возвышенном) стиле («Он воскричал б из жизни давней», «И военны корабли / К берегу нашия земли» — Там же. С. 91, 134).

В прозе П. (романы **«Живите в Москве»**, 2000 и **«Только моя Япония»**, 2001) повествование о реальных событиях биографического и бытового плана причудливо сочетается с фантастикой и гротеском.

Соч.: Пятьдесят капелек крови. М., 1993; Явление стиха после его смерти. М., 1995; Запредельные любовники. М., 1995; Собственные перепевы на чужие рифмы. М., 1996; Сборник предуведомлений к разнообразным вещам. М., 1996; Подобранный Пригов. М., 1997; Советские тексты 1979–1984. СПб., 1997; Написанное с 1975 по 1989. М., 1997; Написанное с 1990 по 1994. М., 1998; Живите в Москве. М., 2000; Только моя Япония. М., 2001; Младенец и смерть. М., 2002.

Лит.: Эпштейн М. Метаморфоза [о новых течениях в поэзии 80-х годов] // Парадоксы новизны. М., 1988; Между именем и имиджем: Диалог С. Гандлевского и Д. А. Пригова // Лит. газ. 1993. 19 мая. С. 5; Айзенберг М. Вокруг концептуализма // Подобранный Пригов. М., 1997; [Полностью]: Арион. 1995. № 4; Шмид В. Слово о Дмитрии Александровиче Пригове // Подобранный Пригов. М., 1997; Рубинштейн Л. Профессия Пригов // Подобранный Пригов. М., 1997; Рубинштейн Л. Что тут можно сказать // Подобранный Пригов. М., 1997; Зорин А. Постскрипtum интервьюера // Подобранный Пригов. М., 1997; Зорин А. Дмитрий Александрович Пригов и советская действительность // Пригов Д. Советские тексты. СПб., 1997; Агеносов В., Анкудинов К. Совр. русские поэты. М., 1998; Богданова О. Совр. лит. процесс. СПб., 2001; Мелентьева Ю. О мифоразрушающей функции цитаты: Д. Пригов и С. Есенин // Лит-ра и общественное сознание: варианты интерпретации худож. текста. Бийск, 2002. Вып. 7. Ч. 1.

А. И. Михайлов

ПРИЛЕЖАЕВА Мария Павловна [9(22).6.1903, Ярославль — 8.4.1989, Москва] — прозаик, публицист.

Из обедневших мелкопоместных дворян. Ее детство и юность пришлось на годы революции и становления советской власти в провинции. В своей автобиографической повести **«Зеленая ветка мая»** (1975) П. рассказала о детстве и гимназических впечатлениях в Александрове, о круге чтения (предпочитала Л. Чарскую), о причинах атеизма и политических симпатиях.

В 16 лет после окончания школы 2-й степени стала учительницей «не по призванию» в сельце Петрищеве Переяславского у. Владимирской обл. Позже получила педагогическое образование в педтехникуме г. Загорска Московской обл. (1922–23) и во 2-м МГУ (1925–29). Преподавала в Архангельске, подмосковных школах в Яхроме, Загорске и в Москве. Первые публикации П. появились в ж. «Работник радио» (1936) и газ. «Московский строитель» (1937) — рецензии на книги русских и зарубежных авторов (от Сервантеса до Барбюса, от Гоголя до И. Новикова). «И в голову не приходило, что стану когда-то писательницей». Но когда на финской войне погиб любимый ученик, то появилась, после 20 лет работы в школе, первая повесть **«Этот год»** (1941). Здесь обозначилась главная тема творчества — гражданское и духовное становление молодого поколения.

Школа дала П. богатейший материал для будущих книг. Романтическое видение жизни позволяло ей избегать унылой назидательности. В повестях **«Семиклассницы»** (1944), **«Юность Маши Строговой»** (1948), **«С тобой товарищи»** (1949), **«Пушкинский вальс»** (1961), **«Третья Варя»** (1963), **«Осень»** (1977), **«Всего несколько дней»** (1979) П. правдиво изобразила советскую школу. «Учителя знаю изнутри. Знаю ежедневный подвиг его жизни и работы, его неудачи и огромные победы. Не все мои книги, всегда писавшиеся с увлечением, вполне и — даже без „вполне“ — хороши. Но иные дошли до читателя, вызвали отклик... В искусстве я люблю „лирический реализм“». «Молодость привлекает Марию Прилежаеву не как возраст, а как состояние души. Любимое ею состояние души» (Л. Фоменко).

В книгах П. читатели находили точный жизненный компас, ведущий к самосовершенствованию, идейному и нравственному росту. Конфликты произведений П. выходят за рамки «детских». Отсюда внимание к морально-нравственным проблемам, к тому, что вырабатывает в читателе черты характера. «Тот, кто любит добро, непременно распознает зло и в меру своей смелости и сил будет

М. П. Прилежаева

всячески бороться со злом, именно потому, что в нем глубоко живет любовь к добру».

Роман **«Над Волгой»** (1952) сама П. считала неудачным, однако создание «схематического» конфликта, в центре которого должна быть борьба «хорошего с лучшим» или борьба сознательного героя с безответственным руководителем, соответствовало духу времени и определялось самой лит. ситуацией 1960-х. Своими учителями П. считала Л. Толстого, Чехова, Блока, ценила у них чувство природы, часто сильный, всегда духовно богатый мир героев.

Притягательность «школьных» повестей П. и в самом стиле изложения — сдержанном и немногословном, чуждом беллетристических ухищрений, но не пренебрегающем живыми подробностями и деталями жизни.

В середине 1950-х в творчество вошла П. новая тема — историко-революционная. Выполняя задание главного редактора «Детгиза» К. Ф. Тискунова, П. написала повесть **«С берегов Медведицы»** (1955) о детстве и юности М. И. Калинина. Знание эпохи не только по архивам и творческим командировкам, но и личное знакомство с участниками тех событий подтолкнуло создать произведения о В. И. Ленине и его соратниках. Этой теме она отдала 20 лет жизни, искренно считая, что воспитание подрастающего

поколения на героике революции и благородных образах «пламенных революционеров» — задача детской лит-ры.

Повести **«Начало»** (1957), роман **«Под северным небом»** (1959), повести **«Удивительный год»** (1966), **«Три недели покоя»** (1967), **«Жизнь Ленина»** (1970) богаты событиями, описанием сцен рабочего заводского быта, студенческих кружков, подпольной борьбы.

За книгу **«Жизнь Ленина»** П. была удостоена Гос. премии РСФСР им. Н. К. Крупской (1971) и премией Ленинского комсомола в области лит-ры, искусства (1983) за произведения для детей и юношества.

О своих современниках П. написала книгу **«Дороги, дороги...»** (1980). Свои мысли о жизни она изложила в очерках, тяготеющих к форме лирического дневника. Книга соединила начала общественные, гражданственные и личные. Часто это анализ опыта самой П. Документальную ценность имеют воспоминания о К. А. Федине, Вс. Иванове, А. Мусатове, В. А. Любимовой, М. А. Рыбниковой, Л. А. Кассиле, Р. И. Фраермане. Выступления П. по радио на этические темы неизменно вызвали живой отклик слушателей, большую почту.

В 1970-е произведения П. были экранизированы: телеспектакль «Пушкинский вальс» с музыкой Прокофьева, телефильмы: «Сиреневые облака», «Осенняя история».

Спектр прижизненных оценок в прессе был сдержанно-положительным (С. Михалков, А. Алексин, И. Каримов, Л. Жак, В. Вронская). Посмертная критика чаще упоминала П. в связи с занимаемыми ею постами. А. Ваксберг назвал П. среди тех, кто тщетно пытался облегчить участь поэта Л. Квитко во время борьбы с космополитизмом. В течение мн. лет возглавлял Совет по детской и юношеской лит-ре СП СССР, а затем как секретарь Московской писательской организации, будучи депутатом Моссовета трех созывов, П. обязана была участвовать на заседаниях ССП, посвященных исключению писателей-диссидентов. Однако в личном, пока не опубликованном дневнике можно видеть истинное отношение ее к событиям того времени. «Ложь, фальшивая похвала стали почти нормой в наших литературных отношениях. Где прямота, объективность, страстность наших разговоров первых лет революции?» (июнь 1980). «Стесняюсь быть известной и почитаемой... Чувствую себя как на ходулях».

Как старейшине советской лит-ры (членом СП стала в 1945, билет № 36 за подписью А. А. Фадеева) П. много помогала ста-

новлению молодых писателей: А. Алексина, М. Алексеева, А. Абдуллина, А. Лиханова и др. Все значимые явления лит-ры для юношества 1970-х она не оставляла незамеченными, пропагандируя их как рецензент в ж. «Лит. Россия», «Молодая гвардия», «Вопр. лит-ры», «Детская лит-ра», «Юность», «Москва». Последние годы П. стали временем переосмысления прожитого: «Некоторые мои „идеалы“ рухнули: Калинин, Лепешинская, Фотиева... Какое семидесятилетие прошло, хотя судьба меня миловала — ни лагерей, ни репрессий. Но страшно и горько, что поругана вера, и глупо, что так наивна эта вера была!» (Дневник, 23.6.1987).

Соч.: СС: в 3 т. М., 1973–75; Сиреневые облака // Совр. драматургия. 1962. № 26; Три невыдуманных рассказа: очерки. М., 1965; Осень // Новый мир. 1977. № 1; Немного о себе. Вслух про себя. М., 1978; Зеленая ветка мая. Третья Варя. М., 1978; Всего несколько дней. М., 1980; В доме Ульяновых. М., 1987; На Гранрю. М., 1987; Маняша. М., 1988; Детство и юность Володи Ульянова. М., 1989.

Лит.: Фоменко Л. Мария Прилежаева. Очерк творчества. М., 1971; Баруздин С. Заметки о детской лит-ре. М., 1975; Разумневич В. Всем детям ровесники. М., 1980; Трубина Л. А. Прилежаева Мария Павловна // Русские детские писатели XX в.: Библиографический словарь. М., 1997. С. 350–353.

Е. К. Демиховская

ПРИМЕРОВ Борис Терентьевич [1.7.1937, ст. Матвеево-Курганская Ростовской обл. — 5.5.1995, Москва] — поэт.

Мать П. — из украинской казачьей знати, росла сиротой. Отец учился в кадетском корпусе, стал боевым офицером Красной Армии, но позже, узнав о раскулаченных родителях, его исключили из партии и уволили из армии. В годы Великой Отечественной войны отец П. был на фронте. После войны семья переехала в крупную задонскую ст. Мечетинскую, где отец устроился работать в колхоз. В семье росло четверо детей. Увлечения отца — охота и рыбалка — и природная музыкальность матери, по мнению П., определили его будущие поэтические интересы.

Стихи и «истории» П., по свидетельству матери, сочинял сызмала, «разговаривая» с травами и птицами и слыша их «голоса». Первые публикации и книга («**Синевой разбуженное слово**») вышли на родине, в Ростове-на-Дону. Главная тема определилась сразу и навсегда — «алфавитом» поэтического мировидения стали образы родной донской природы: «Пройдусь по ветрам

и тропинкам, / Войду в вечера, в ковыли / И всем расскажу без запинки / Всю заповедь здешней земли» («**Пройдусь по ветрам и тропинкам...**», 1966). Сравним: «Как об острое железо, / О степное бытие / Я до памяти изрезал / Сердце чуткое свое» («**Судьба**»).

В середине 1960-х П. приехал в Москву поступать в Лит. ин-т, но, выдержав творческий конкурс, не прошел собеседования, так как его тогдашние лит. кумиры не понравились комиссии. Поступил со второго раза, учился вместе с А. Передревым и Н. Рубцовым, позже тепло вспоминал о дружбе с последним. Окончил Лит. ин-т в 1970. Членом СП стал в 1968. Лучшей своей книгой считал «**Некошенный дождь**» (М., 1967), которую редактировал В. Соколов.

Сам П. вел свою поэтическую родословную, причисляя себя к «тихим лирикам» — лит. поколению 1960-х, которое составляли близкие ему Анатолий Передрев, Алексей Еранцев, Алексей Прасолов. Еще до деревенской прозы оно, по его мнению, обозначило болевые точки времени. Но в общую характеристику этой плеяды как «детей околлицы» он вкладывал и глубоко личные, покаянные интонации («говорю о деревне, / А приехал в Москву»): «Мы сами потеряли крестьянские права, а потом оплакивали их». В ранней поэзии П. эта общая тема получала индивидуальный разворот, поэт ради публицистичности старался не поступаться лиризмом: «Вышел месяц под деревья / Из-за старенькой реки. / Поздоровался с деревней / И не подал мне руки» («**Ах, зачем я так ограблен...**», 1965); «В такую же безлунность / У поля без стыда / Всю молодость, всю юность / Украли города. <...> Во мне убила скорость / Пространство и простор».

«Неумную образность», «густую метафоричность» справедливо стали считать отличительной стилиевой приметой поэзии П., которую он постоянно развивал. Весь мир был для него «завернут в метафоры» (В. Цыбин). Один и тот же образ появлялся у него несколько раз, но не повторялся: «Будет ржаньем неторопливым / До утра, / Закусив удила, / Вороня луна над обрывом / Оглашать / Сонный берег села» («**Вот и ночь небеса повернула...**», 1966) «В молве тишины, / Предрассветные окна / Нахотлившись совами, смотрят...» («**Густая гармошка**», 1966); «раскосые окна прослезились» и «машет крыльцо рукавом» («**Август**», 1969). Сам П. считал себя в этом учеником Павла Васильева и прозы Шолохова (ее «са-